

А.Ф.Кофман

Перестройка и постсоветская эпоха: взгляд из Латинской Америки

В постсоветскую эпоху образ России в Латинской Америке утрачивает как культурфилософскую, так и идеологическую составляющие; он уходит из художественной литературы и эссеистики в прессу и в научно-политическую литературу, то есть фактически из сферы имагологии перемещается в сферу политического имиджа и оценивается, исходя из чисто прагматических критериев. Наряду с общим падением интереса к России в Латинской Америке образ постсоветской России лишился глубины, смыслового многообразия и полемичности.

Ключевые слова: перестройка, социализм, капитализм, леворадикальная интеллигенция, идеология, образ.

Чтобы понять, каким радикальным модификациям подвергся в Латинской Америке образ СССР в период перестройки и особенно России в постсоветскую эпоху, надо подчеркнуть три очень существенных особенности его функционирования в латиноамериканском (да и не только) общественном сознании. Первая и важнейшая: Советский Союз, как бы к нему ни относились, положительно или отрицательно, обладал ярко выраженным качеством «инаковости», т.е. он представлял в корне иной мирострой по отношению к общественным и идеологическим системам всех латиноамериканских стран за исключением Кубы и, в 80-е годы, Никарагуа. А «инаковое» всегда вызывает к себе повышенный интерес, больший, нежели «подобное». Сказанное в полной мере относится как к США, так и к западноевропейским демократиям, внимание которых к социалистическим странам не в последнюю очередь было обострено страхом ядерного конфликта. Но, если в развитых капиталистических государствах относительно небольшая часть населения видела в Советском Союзе достойную

Андрей Федорович Кофман — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур Европы и Америки новейшего времени ИМЛИ им. А.М.Горького РАН (andrey.kofman@gmail.com).

Последняя из серии статей. Начало см.: Латинская Америка, 2011, № 2, 3.

для подражания модель общественного строя, то в Латинской Америке этот сегмент населения был несравненно более широким: вся левоориентированная интеллигенция, имевшая колоссальное влияние на рабочих и крестьян. Не стоит забывать и того, что эта интеллигенция в большой мере формировалась за счет десятков тысяч студентов, получивших высшее образование в вузах СССР. В силу этих обстоятельств советская «инаковость» для значительной части латиноамериканцев приобретала качество «альтернативности», то есть выбора направления дальнейшего развития; и эта «альтернативность» образа нашей страны привлекала к нему интерес не только латиноамериканской «искъерды», но и, от противного, самых беспощадных критиков советского тоталитаризма вроде О.Паса. Наконец, третья особенность функционирования образа Советского Союза в латиноамериканском общественном сознании состояла в том, что СССР и на словах, и на деле позиционировал себя как противовес США, а для латиноамериканцев с их традиционной нелюбовью к северному соседу и к гринго вообще эта позиция имела колоссальную значимость. Этот момент возбуждал симпатии к нам далеко не только в среде левоориентированной интеллигенции. Собственно, на этих трех основаниях и держался интерес, и, конечно, его дополняла культурная составляющая.

К этому следует добавить, что на закате советской эпохи СССР полноценно присутствовал в Латинской Америке на официальном и дипломатическом уровне. Если в 50-е годы основной акцент нашей внешней политики делался на контактах с латиноамериканскими компартиями, в то время как дипломатических отношений с большинством стран континента не было, то к середине 80-х годов установлены отношения с 16 государствами, в том числе со всеми южноамериканскими за исключением Парагвая и Чили. С 1960 по 1983 г. объем внешней торговли между СССР и латиноамериканским регионом вырос в 16 раз. Одновременно наблюдается дипломатическая активность со стороны латиноамериканцев: в период с 1984 по 1987 г. в СССР побывали с официальными визитами президенты Аргентины, Уругвая, министры иностранных дел Мексики и Бразилии, президент Национальной ассамблеи Панамы, делегация Гондураса во главе с министром экономики и др. Ответные шаги не заставили себя ждать: в 1987 г. состоялся визит Э.А.Шеварднадзе в несколько стран Южной Америки, вслед за чем год спустя М.С.Горбачев совершил турне по Латинской Америке.

Перестройка в СССР вызвала колоссальный интерес во всем мире — то было время, когда наша страна стала главным персонажем Театра Истории; и нисколько не преувеличивали те, кто тогда говорил, что именно она определяет судьбу всего человечества. Важно подчеркнуть, что интерес к перестройке в немалой степени диктовался тем, что ее результат был неизвестен и непредсказуем. Страна находилась в «пороговой» ситуации, предоставляя политикам, аналитикам и футурологам широкое поле для самых различных прогнозов. Именно неопределенность судьбы СССР рождала необыкновенное напряжение той эпохи.

В Латинской Америке обостренное внимание к процессам, происходящим в СССР, подогревалось вышеупомянутыми специфическими особенностями восприятия Советского Союза. Для латиноамериканцев образ нашей страны пока что в полной мере сохранял качество «инаковости»; но

сохранит ли он в будущем качество «альтернативности»? Ведь если СССР встанет на капиталистические рельсы, то он это качество безвозвратно утратит. Второй вопрос, очень остро стоящий для большинства латиноамериканцев: останется ли СССР противовесом США? Если нет, то континент может подпасть под прямой диктат могущественного северного соседа. И, наконец, третий вопрос: какая идеология восторжествует в Советском Союзе и не прекратит ли он поддержку левых движений? Фактически некие предварительные ответы на эти вопросы дал Горбачев во время своего турне по Латинской Америке, сделав важное заявление о том, что «отвергает попытки навязать превратное представление, будто Советский Союз желает устраивать социалистические революции в Латинской Америке» и что «СССР не намерен нарушать связи, сложившиеся у латиноамериканских стран с США»¹. Однако немногие уловили смысл этого послания в будущее.

Пока же перестройка вызывала эйфорию в различных слоях латиноамериканских обществ, в том числе среди большей части левоориентированной интеллигенции. Немалую роль для пропаганды перестроечных процессов играло мнение «патриарха» латиноамериканской литературы Г. Гарсиа Маркеса, который в 1987 г. приехал в Советский Союз, встретился с Горбачевым и имел с ним продолжительную беседу. После этого знаменитый писатель заявил, что он стал «рьяным перестройщиком», и «верит в перестройку»².

В том же 1987 г. мексиканское издательство «Diana» опубликовало на испанском языке книгу Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»; ее презентация состоялась в декабре того года. Тут же права на издание купили аргентинское и бразильское издательства, а затем издательства почти всех стран континента, и книга с укороченным названием «Перестройка» разошлась огромными тиражами. Корреспондент журнала «Латинская Америка» рассказывает, что застал крупнейшего писателя и бывшего президента Доминиканской Республики Хуана Боша как раз в тот момент, когда тот читал книгу Горбачева, делая карандашом пометки на полях. В интервью Х. Бош сказал: «Перестройка ценна именно своим объединяющим началом, возможностью, наконец, покончить с отношением в Советском Союзе как к «империи зла», как к Люциферу, какое империалистической пропаганде удавалось насаждать в умах многих людей. Мы это чувствуем буквально собственной кожей, подкоркой, порой даже не желая того»³.

Слова Боша «объединяющее начало» очень точно выразили одну существенную особенность имиджа Советского Союза в годы перестройки. Действительно, этот имидж был не просто положительным — он был универсально положительным, т.е. с одинаковой силой воздействовал как на правые, так называемые «реакционные круги», так и на левых, за исключением разве что террористов-революционеров и закоренелых догматиков. Правые с изумлением обнаружили в заскорюзлом тоталитаризме советского образца внутренние стимулы и способности к переформированию, эволюции; а мирные инициативы Горбачева избавляли мир от страха ядерной войны, и получалось так, что бывшая «империя зла» направляла историю по мирному пути развития. В журнале «Vuelta», которым руководил непримиримый враг советского тоталитаризма О. Пас, говорилось: «Недавние изменения в советском обществе по направлению к большей открытости

изумили всех. ... Газетные и частные сообщения свидетельствуют о том, что процесс либерализации советского общества не останавливается. Еще остается многое сделать. Но, возможно, не в таком уж далеком будущем гражданские свободы станут составной частью советской жизни»⁴.

Процесс перестройки импонировал и левым, которые с новой силой поверили в возможности социализма как динамичной саморазвивающейся системы и подчеркивали, что с концепцией «нового мышления» СССР опять оказался «впереди планеты всей». Этот акцент очень ясно звучит, например, в высказываниях аргентинского кинорежиссера Фернандо Бири, основоположника «нового» латиноамериканского кинематографа. Он заявил: «Чем сильна концепция нового мышления? Тем, что с ней выступает Советский Союз. Важно то, что многие идеи вновь выдвинуты сегодня именно Советским Союзом, который предлагает конкретные шаги для их воплощения в жизнь»⁵.

Весной 1989 г. в Буэнос-Айресе состоялся международный семинар на тему «Отношения Южной Америки с СССР. Перспективы на 90-е годы». Главное внимание в работе семинара приковала к себе перестройка, а обсуждение этого общественного процесса вылилось в ожесточенный спор: что это, крах или возрождение социализма? Для латиноамериканской интеллигенции эта дилемма стояла очень остро, куда острее, чем для интеллектуалов Западной Европы и США. Интеллигенция, а она, как говорилось, была в подавляющем большинстве левой, уверяла, что перестройка носит глубоко социалистический характер.

Между тем развитие событий не настраивало на оптимистический лад. В конце 80-х и в самом начале 90-х годов в высказываниях латиноамериканских интеллектуалов о перестроечных процессах все отчетливее стали звучать тревожные нотки. Тот же Гарсиа Маркес, «рьяный перестройщик» в 1987 г., три года спустя осторожно замечает: «По-моему многое они упустили, но это неизбежно. По правде говоря, я не знаю, чем все это закончится. Надеюсь, не все будет утрачено. Происходящие в СССР беды — печальный результат не того, что делается теперь, а тех долгих лет, когда все и вся было подвержено гниению»⁶. Уже тогда, накануне крушения СССР, латиноамериканские интеллектуалы нутром почувствовали, что Россия находится не только в экономическом, но и в идеологическом тупике, и сама не знает, куда ей двигаться, что в свою очередь вызывало крайнюю обеспокоенность латиноамериканской «искъерды».

Августовский путч 1991 г. вновь выдвинул Россию на авансцену мировой истории, но, судя по дальнейшему, это был прощальный выход актера. В те дни весь мир, затаив дыхание, следил за развитием событий, от которых действительно зависела судьба человечества. Если путчисты победят, мир снова скатится к «холодной войне», а там, не исключено, что и к ядерной; если же демократия восторжествует, то — ... Здесь возникал большой знак вопроса, ибо никто в мире, включая русских демократов, ясно не представлял себе, куда они пойдут. Впрочем, в Латинской Америке в среде левых догматиков путч был встречен с воодушевлением и с надеждой на то, что восстановится бывший черно-белый мир: империализм — социализм; кто не с нами — тот против нас. Надежды левых догматиков не оправдались, а дальше произошло то, что им могло привидеться лишь в кошмарном сне: распад СССР, переход на капиталистические рельсы и круше-

ние коммунистической идеологии. Это был страшный удар по латиноамериканской «искъерде». Догматикам, не желавшим открыть глаза на реалии меняющегося мира, осталось уповать лишь на последние оплоты реального социализма — Китай, Вьетнам, Кубу и Северную Корею. Но те из левых, кто был способен к рефлексии и саморазвитию, начали пересматривать опыт реального социализма, а вместе с ним и основы коммунистической идеологии, и для многих этот процесс оказался нелегким, даже мучительным.

О том, что происходило в то время в умах латиноамериканских коммунистов, искренно говорится в статье Луиса Гуаставино, видного функционера коммунистической партии Чили. Своей статье он дал, пожалуй, самое точное заглавие из всех возможных — «Рушатся храмы». Приводимые ниже цитаты не требуют комментариев. «СССР был одной из самых прекрасных достоверностей, а КПСС — непререкаемым оракулом, — вспоминает автор. — Мы слепо защищали все, что оттуда исходило, мы оценивали друг друга по отношению к Советскому Союзу»⁷. Переходя к сложившейся ситуации, Гуаставино признает: «Правда состоит в том, что храмы обрушились на головы тысяч и тысяч коммунистов... Это такое землетрясение, которое происходит и в душе, и в сознании каждого из нас лично и всех вместе, распространяется на всю партию, потрясает ее так или иначе и ввергает в кризис. Это естественно, было бы странно, если бы с нами этого не происходило». Далее Гуаставино от себя лично и от лица всех коммунистов формулирует болезненные вопросы: означает ли случившееся в России смерть идей коммунизма и отсутствие альтернативы капитализму? Его выводы, похоже, дают исчерпывающие ответы: «Очень жаль, что реальный социализм был воздвигнут на таких ненадежных основах, которые не позволили ему воспринять и пережить столь необходимую и позитивную новацию, как перестройка. Но этот результат не означает, что плоха перестройка, а лишь что плох оказался реальный социализм. ... Так называемая теория научного коммунизма повержена вместе с храмом, ибо она показала, что научного в ней нет ничего». Еще более убедительными ответами стали выход самого Гуаставино из компартии и тот массовый отток из компартий, какой произошел в Латинской Америке в начале 90-х годов.

Гуаставино также ясно сформулировал глубокую озабоченность далеко не только левоориентированных латиноамериканцев: «Стал реальностью тот факт, что нынешняя ситуация на Востоке Европы оставляет Латинскую Америку на милость американского влияния»⁸. Так оно и было: вслед за путчем начался «исход» России из Латинской Америки, в том числе — что крайне болезненно было воспринято на всем континенте — с Кубы. Дипломатические связи, разумеется, сохранялись, но падали объемы экономического сотрудничества и торговли, а главное, Москва не проявляла ни малейшей заинтересованности в том, чтобы хоть как-то укрепить свое влияние в регионе. Следует учитывать, что при восприятии России в Латинской Америке действовала сильная инерция прошлого, когда СССР служил противовесом влиянию США; к тому же Россия поддержала эту инерцию, объявив себя правопреемником Советского Союза. Но, вопреки ожиданиям латиноамериканцев, правопреемница великой державы, «посаженная на иглу» финансовой помощи Запада, сдавала позиции одна за дру-

гой и объявила себя «стратегическим партнером США». Это стало одной из причин падения интереса к России в Латинской Америке.

Это произошло и из-за совершенно невнятной внутренней и внешней политики Кремля, вызывавшей раздражение как в Латинской Америке, так и во всех странах «третьего мира». Раздраженные нотки сквозят, например, в высказываниях директора Института политических наук Чилийского университета Густаво Куэваса Фаррена: «Я не увидел, и никто мне конкретно не объяснил, какова политическая стратегия на будущее? Мне кажется, ее просто нет. ... Самым удивительным... является отсутствие ясности происходящего сегодня и того, что ожидает страну в будущем. ... Не уверен, что кто-либо из нынешних лидеров, по крайней мере хоть наполовину, обладает ясным видением будущих изменений»⁹.

При том, что Россия сразу утратила качество «альтернативности», встав на тот путь развития, по которому шли западные страны, и тем самым во всеуслышание признав верность и безальтернативность этого пути, она еще и начала стремительно утрачивать качество «инаковости», превращаясь в заурядное государство «третьего мира». Прежний советский образ жизни, как бы его ни оценивали, был своеобразен, по меньшей мере, отличен от того, что латиноамериканцы видели у себя дома; сейчас строй жизни становится все более шаблонным и никаким. Глубоким разочарованием пронизаны впечатления от России Херонимо Карреры, члена ЦК компартии Венесуэлы, опубликованные в 1993 г. Прежде всего, ему не ясен политический строй России. Что это — капитализм или социализм, демократия или авторитаризм? «В том же, что касается Москвы, где за последние тридцать лет я бывал более тридцати раз, то она приобретает все более ярко выраженные черты какого-нибудь крупного города «третьего мира». Так называемая «рыночная экономика» привела к стремительному росту уличной торговли, что очень похоже, скажем, на Каракас. ... В повседневной борьбе москвичей за выживание жизнь города меркантилизировалась. Здесь все продается и все покупается, и практически все торгуют»¹⁰.

Разочарование Х.Карреры продиктовано далеко не только его коммунистическими взглядами. В сущности, так же политический и экономический строй России характеризует посол Колумбии в России Р.Истман де Ла Куэста, которого в коммунистических пристрастиях не обвинишь. Он занял должность в 1991 г., а четыре года спустя выпустил в Боготе книгу под заглавием «Умер ли социализм в России? Историческая хроника империи». Истман был в гуще событий в дни августовского путча и расстрела парламента и оценил их как окончательный и бесповоротный демонтаж советской системы, вслед за чем Россия выбрала какой-то «третий» путь, все более сближающий ее со странами «третьего мира». Что же касается вопроса, вынесенного в заглавие книги, то Истман не дает на него четкого ответа: по его мнению, социализм как идея не был воплощен в тоталитарном государстве и оказался лишь видимостью.

Именно в 90-е годы ясно обозначились те общие тенденции в формировании имиджа России в Латинской Америке, которые проявлялись вплоть до недавнего времени. Следует подчеркнуть, что в большой степени эти тенденции созданы самой Россией, ее отношением к странам региона. Выше упоминалось, что после путча начался «исход» России из Латинской

Америки, и фактически он продолжился в последующие годы. Начало было положено тем, что в 1992 г. в Министерстве внешней торговли РФ произошло слияние отделов Африки и Латинской Америки, — тем самым подчеркивалась неприоритетность латиноамериканского направления, и этот сигнал уловили в латиноамериканских экономических кругах. В целом можно сказать, что Москва не проявляла никакой заинтересованности, никакой активности на дипломатическом поле латиноамериканских стран. При этом вела себя подчас некорректно: так, в 1995 г. пять раз и без объяснения причин в последний момент откладывался визит А.В.Козырева в Мексику. Такие демарши, конечно, не могли остаться незамеченными. А еще более заметным стал тот факт, что в оглашенной в конце 90-х годов внешнеполитической доктрине Российской Федерации Латинская Америка фигурировала на последнем месте. Стоит ли удивляться тому, что после этого даже Мексика вообще не упомянула Россию во внешнеполитической части послания президента Национальному конгрессу, не говоря о многих других странах континента, исключивших Россию из области своих внешнеполитических интересов. Визиты Е.Примакова в Венесуэлу, Мексику, на Кубу (1996), Аргентину, Бразилию и Колумбию (1997), затем Путина в Мексику (2004) и Фокса в Москву (2005) несколько исправили положение, но не могли выправить общую ситуацию.

На этом в целом неблагоприятном фоне особенно болезненно была воспринята позиция новой России по отношению к Кубе — и не только на самом острове, но и в сопредельных странах, таких, как Мексика, центральноамериканские государства, Венесуэла и др. Как бы ни относились правительства этих стран к социалистическому строю, Куба оставалась в Латинской Америке единственным противовесом США и тем самым воспринималась в «романтическом» ореоле «борца».

Интерес к России в Латинской Америке отнюдь не подогревался и на уровне экономики. С одной стороны, происходило сокращение объемов экономического сотрудничества и торговли. С другой — в 90-е годы в российский бизнес хлынули непрофессионалы, а то и криминальные элементы, которые не умели толково и честно вести дела. Карикатурный образ «новых русских» не обошел своим присутствием и Латинскую Америку.

С середины 90-х годов интерес в Латинской Америке к России начал резко снижаться, и эта тенденция сохранялась в следующем десятилетии. Может быть, ярче всего об этом говорит тот факт, что известные культурные деятели региона перестали писать о России. Если две предыдущие статьи (см.: Латинская Америка, 2011, № 2, 3) полнятся славными именами, среди которых фигурируют три Нобелевских лауреата по литературе, то в этой не упомянуто ни одного известного писателя или поэта, что объективно отражает сложившуюся ситуацию. Ее отражает, в частности, состав культурно-философского журнала «Vuelta», основанного О.Пасом: немногие статьи о России, встречающиеся на его страницах с середины 90-х годов, — это либо переводы русских авторов, либо западных, но не статьи латиноамериканцев. Сам Пас, умерший в 1998 г., к теме России больше не возвращался. То, что пишется в Латинской Америке о России, пишется либо в прессе, либо в научной литературе. Россия ушла из сферы эссеистики, философской и культурологической рефлексии — и это, наверное, самый печальный итог произошедших изменений.

В этой связи стоит поставить вопрос о специфике имагологических стереотипов и образов, рожденных в лоне культуры, и их отличиях от имиджа страны, создаваемого в прессе и в научной литературе. Первые могут быть сколь угодно далеки от реальной действительности, но у них есть одно колоссальное преимущество — широчайшее семантическое поле, многоуровневая интерпретация, в силу чего они приобретают культурологический пафос и цивилизационный масштаб. Напомним лишь некоторые из мифологических характеристик, примененных латиноамериканцами по отношению к русскому народу: таинственность, первозданность, антирационализм, первородная мощь, младенчество, мессианизм, фатализм... Каждая при ее глубоком семантическом анализе открывала бы множество потаенных и противоречивых смыслов. Это касается и внешне негативных характеристик, таких, например, как неумеренность или варварство. Если девизом эллинской культуры, составившей основу западноевропейской цивилизации, было изречение «знай меру», то неумеренность выступает как цивилизационная категория; и то же самое, при том, что Западная Европа позиционирует себя как пространство культуры, относится к варварству. Значит, Россия — не Европа, а что-то другое. Но эти характеристики не являются однозначно негативными и в отдельные периоды и под пером того или иного художника могут приобретать отчетливо маркированный позитивный смысл, опять-таки выступая как характеристики цивилизационные. Тем самым имагологический стереотип, рожденный в художественной сфере, обретает глубину и силу, неважно, притягательную или отталкивающую. Главное в том, что эти стереотипы при всей их возможной необъективности и мифологичности, парадоксальным образом помогают установить духовный контакт с другим народом, ведь все они затекстово содержат отношение «я» — «другой». Даже в том случае, когда речь идет об отторжении другого, все равно осуществляется связь от противоположного. В этом имагологические стереотипы принципиально отличны от имиджа. Когда в прессе или в научной литературе говорится, что в России растет экономика и приводится соответствующая статистика — это объективная данность, но плоский факт, в котором нет иного смысла, кроме словесно выраженного. Нет в нем и отношения «я» — «другой», кроме чисто статистического. Когда говорится, что в России процветает коррупция, и по этому показателю она находится на таком-то месте в мире, — это однозначно негативная характеристика, которая не сможет приобрести позитивного оттенка ни при каких обстоятельствах.

Но и в латиноамериканской прессе, даже в крупных периодических изданиях, статьи о России встречаются в целом довольно редко — не сравнить с материалами о Западной Европе, США и Китае. Показателен и тот факт, что многие крупнейшие латиноамериканские СМИ даже не держат своих корреспондентов в Москве. Характерен и способ подачи информации — холодно-беспристрастный, прямолинейный и лишенный даже попытки глубокого анализа российской ситуации. Сошлемся на данные по Бразилии, приведенные в книге Н.С.Константиновой и М.Ф.Мартынова. В пункте опроса об освещении бразильскими СМИ событий в России 30% опрошенных сочли информацию «недостаточной», а 33% — «практически отсутствующей», вследствие чего представления о России у 60% опрошен-

ных было «нейтральным», у 5% — «кажущимся нейтральным с негативным подтекстом» и у 3% — «негативным»¹¹.

Причины равнодушного или негативного отношения латиноамериканцев к России лежат на поверхности, некоторые из них уже были обозначены. Но главной составляющей негативного имиджа России, безусловно, является общая для многих стран латиноамериканского региона и России проблема — низкий уровень жизни и социальная незащищенность населения. Советский Союз экспонировал себя как страну, где нет бедных и богатых, нет безработицы, все равны, все имеют бесплатный доступ к медицинскому обслуживанию и к образованию и т.п. — и эта информация, несомненно, оказывала воздействие на умы; и даже те, кто не доверял пропаганде, вынуждены были признавать, что в СССР действительно нет безработных, бездомных, беспризорников и голодающих, что в ней нет неграмотных. В силу остроты этих проблем в большинстве стран Латинской Америки уже одно это ставило Россию на иной, более высокий уровень социальной обеспеченности населения. В 90-е годы Россия утратила многие из этих позиций (исключая медицинское обслуживание и образование). О многом говорил уже сам факт российской эмиграции в страны Латинской Америки. Так, в начале 90-х президент Мексики выделил квоту в 800 человек для российской интеллигенции, и она была моментально заполнена (в основном музыкантами и геологами); практически без ограничений российских эмигрантов принимала Аргентина, заселяя ими южные территории с рискованным сельским хозяйством. Эти факты подлежали однозначной интерпретации: если люди готовы бежать — и не в богатые страны Европы или в США, а в Латинскую Америку — значит, на их родине дела обстоят еще хуже... И действительно, наиболее развитые и благополучные государства региона, такие, как Чили, Мексика, Бразилия, Коста-Рика, Уругвай, опережают Россию по ряду показателей, в том числе и в социальной сфере.

Просмотр латиноамериканской прессы за период президентства В.Путина позволяет выделить три основных темы в отзывах о России: экономика, внутренняя и внешняя политика; на этом фоне наблюдается почти полное отсутствие статей о современной русской культуре, нравах и обычаях русского народа, о «загадочной русской душе» — между тем, как в советский период эти темы, наряду с политическими, были весьма востребованы и привлекательны. Это лишний раз показывает, что Россия интересует латиноамериканцев уже не сама по себе, а лишь как еще один игрок на мировой политической арене.

В период президентства В.Путина наиболее благоприятные отзывы латиноамериканской прессы касались экономического развития России, и объясняется это тем, что по понятным причинам латиноамериканцы гораздо острее, чем западноевропейцы или североамериканцы, чувствуют привлекательность эпохи стабильности. Что касается внутренней политики, то из выделенных тем латиноамериканскую прессу она интересовала меньше всего. То, о чем в североамериканской и западноевропейской прессе говорилось с большой тревогой и озабоченностью, иногда в жестко критичном, эмоциональном тоне, в латиноамериканской представало, скорее, на уровне констатации. Однако во многих странах Латинской Америки (Чили, Аргентина, Уругвай, Парагвай, Боливия, Эквадор) еще очень жива память о

военных диктатурах, и потому всякое нарушение демократии, в России в том числе, здесь воспринимается довольно остро.

Во внешнеполитическом курсе России для латиноамериканцев на первом месте всегда стояли ее отношения с США. В Латинской Америке достаточно быстро и ясно поняли ту прагматическую стратегию внешнеполитического курса, которая обозначилась и установилась при В.Путине. Ее очень трезвый и спокойный анализ дал мексиканский политолог Пабло Тельман Санчес Рамирес в статье «Внутриполитический и внешнеполитический курс России с марта 2004 года». В частности, автор обобщал: «Дипломатия Владимира Путина сочетает патриотическую и националистическую риторику с расчетливым прагматизмом, причем сочетает без видимых противоречий. Риторика обращена главным образом на российских граждан и на общественную систему в целом, в то время как прагматизм доминирует во внешней политике, являясь средством примирения с ведущими мировыми державами. Это сочетание, в определенной степени парадоксальное, оптимально отвечает задачам правительства, а именно — примирить общество со своим сложным историческим прошлым, с самим собой и с внешним миром. Русская дипломатия понимает, что восстановить политическое пространство СНГ — задача нереальная и идеалистическая и в настоящее время концентрирует свои усилия на том, чтобы установить с бывшими советскими республиками отношения на различных уровнях, при этом первостепенное значение придается центрально-азиатским странам и постсоветскому Кавказу. Во внешней политике Россия развивает принципы, установленные с 2000 г., и на первом месте стоят отношения со странами Европы и с США. Однако с тех пор практические воплощения этих принципов кардинально изменились с учетом их сопряжения с элементами национализма и прагматизма и с защитой национальных интересов. Сегодня русское правительство чувствует в себе больше уверенности и силы, чтобы действовать на международной арене более независимо по причине экономического роста страны, увеличения иностранных инвестиций в национальную экономику и негласной поддержки Запада, несмотря на авторитарные методы управления и централизацию власти»¹².

Как констатирует директор Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН П.П.Яковлев, в последние два года в отношениях России со странами Латинской Америки наметился новый этап — кардинальные изменения наблюдаются как в политической, так и в экономических сферах. Еще в Концепции внешней политики РФ, утвержденной 12 июля 2008 г., указано на стремление Москвы наращивать политическое и экономическое сотрудничество со странами Латинской Америки и Карибского бассейна. И эта установка последовательно выполняется: российская внешняя политика на латиноамериканском направлении стала существенно активнее. Можно сказать, настоящим прорывом в отношениях России с Латинской Америкой стал визит Д.Медведева в Перу, Бразилию, Венесуэлу и на Кубу (2008), в ходе которого был подписан пакет важных экономических соглашений, в том числе договоры о безвизовом режиме с Бразилией и Венесуэлой. В настоящее время Россия поддерживает дипломатические отношения со всеми 33 независимыми государствами Латинской Америки и Карибского Бассейна — никогда прежде такого не было.

Особый вес приобрели российско-бразильские отношения. В апреле 2010 г. в бразильской столице состоялся второй саммит Бразилии, России, Индии и Китая (БРИК). Как отмечал Д.Медведев, участникам группы удалось создать существенный задел на ряде направлений реформы системы глобального экономического управления. Тогда же состоялся визит президента России в Аргентину — то была первая в истории поездка высшего российского руководителя в эту страну.

Еще более активно развиваются контакты России с Венесуэлой. Уго Чавес привлекает Россию не только своей антиамериканской риторикой, но и как крупнейший импортер российского вооружения: в настоящее время объем поставок российской военной техники в Венесуэлу оценивается в 5 млрд долл.

Перемены в российско-латиноамериканских отношениях напрямую затронули и Кубу. Визит Д.А. Медведева в Гавану в ноябре 2008 г. положил начало новому этапу их развития. В 2009 г. Москву посетил Председатель Государственного Совета и Совета министров Кубы Рауль Кастро. В результате был подписан Меморандум о принципах сотрудничества, на базе которого продолжилась реанимация захиревших двухсторонних отношений. Свой обзор П.П.Яковлев завершает следующим выводом: «Политика на латиноамериканском пространстве стала, пожалуй, самым *эффектным* направлением международной деятельности Москвы в последние годы. Теперь задача состоит в том, чтобы сделать его максимально *эффективным*, приносящим России весомые торгово-экономические и политические дивиденды»¹³. К сказанному можно добавить, что следствием этой политики также хотелось бы видеть дивиденды духовные — возрождение в Латинской Америке интереса к культуре России и к русскому менталитету, из чего последует не только политическое и экономическое, но также духовное сближение двух пограничных цивилизаций.

Образ нашей страны, каким он складывался в Латинской Америке в течение двух столетий, предстает в трех ипостасях. Образ дореволюционной России сформировался под влиянием русской литературы и культурфилософии и вобрал в себя мифы и стереотипы, возникшие в русской культуре, — и надо признать, этот образ оказался не только наиболее емким, но и наиболее близким самим латиноамериканцам в силу сходства этих имагологических стереотипов с теми, что вырабатывались в самой латиноамериканской культуре и составили базовый субстрат ее художественного кода. Речь идет о таких мифах, как безмерность и хаотичность пространства, загадочность, неупорядоченность, иррационализм, теллуричность, первозданность, первородная мощь, мессианство и др. Эти стереотипы дают о себе знать и в восприятии СССР, но отходят на задний план, тогда как на передний выходит ярко выраженная идеологическая составляющая, которая в зависимости от политической ориентации автора придает образу позитивную или негативную окраску. В постсоветскую эпоху образ России в Латинской Америке утрачивает как культурфилософскую, так и идеологическую составляющие; он уходит из эссеистики в прессу и в научно-политическую литературу, т.е. фактически из сферы имагологии пере-

мещается в сферу политического имиджа. Важно подчеркнуть принципиальное отличие образов нашей страны советского и постсоветского периодов: если первый был ярко полемичен, выстраивался в остром противостоянии идеологий и потому сочетал в себе два резко поляризованных образа — апологетический и отрицательный, почти без промежуточных оттенков, то образ постсоветской России начисто лишился полемичности, стал гомогенным, и ее имидж оценивается исходя из чисто прагматических критериев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.У о р о. Las relaciones soviético-latinoamericanas: evolución histórica y perspectivas. — Cono Sur, marzo — abril de 1988, N 2, p. 17—19.

² Латинская Америка, 1990, № 7, с. 120.

³ Там же, 1987, № 6, с. 89.

⁴ H.F e s h b a c h. Encuentro con Sakharov. — Vuelta, 1987, № 128, p. 61.

⁵ Ibid., p. 45.

⁶ Латинская Америка, 1990, № 7, с. 120.

⁷ Там же, 1992, № 1, с. 47.

⁸ Там же, с. 53, 51.

⁹ Там же, 1992, № 9, с. 43.

¹⁰ Tribuna popular. Caracas, 1993, N 20.

¹¹ Н.С.К о н с т а н т и н о в а, Б.Ф.М а р т ы н о в. Имидж России в Бразилии: укоренившиеся стереотипы и факторы оптимизации. М., 2008, с. 31—32.

¹² P.T.S á n c h e z R a m í r e z. El rumbo de la política interna y exterior de Rusia a partir del marzo 2004. Foro Internacional. Vol. XLVII, № 2 (188), abril — junio 2007.

¹³ П.П.Я к о в л е в. Россия — Латинская Америка: новый этап. — www.perspectivy.info